

*Николай Силаев***«ОСЕВОЕ ВРЕМЯ» НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

Карпов Ю. Ю. (2017) Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб.: Петербургское востоковедение. 400 с. ISBN: 978–5–85803–505–3

DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-1-151-156

Дискуссия о национальной политике в современной России развивается на переломе интеллектуальных традиций. Советское наследие в виде жестких примордиалистских представлений об этничности в последние десятилетия столкнулось с вызовом конструктивизма, крупнейшим теоретиком которого в России стал Валерий Тишков (Тишков 2003). Публицисты и активисты, обсуждающие национальную политику и формирующие круг популярных мнений по этому предмету, нечасто вникают в тонкости теоретической полемики, выбирая из нее лишь эмоционально близкие им аргументы. Например, они воспроизводят националистическую риторику о «древнейших народах», концептуально восходящую к советской этнографии, но игнорирующую ее академическую строгость. Или развивают доводы об абсолютно пластичной этничности, которая якобы может быть с легкостью сконструирована или деконструирована; такие доводы, в сущности, отражают устойчивую привычку отождествлять социально сконструированное с «фальшивым».

Национальная политика объединяет в себе самые разные сферы жизни общества, от образовательных программ и культуры до планирования территориального развития. Столкновение популярных мнений по поводу этничности ставит множество вопросов. Следует ли государству стремиться к укреплению этнических границ или искать механизмы поощрения добровольной ассимиляции? Допустимо ли и желательно ли превращение национальных республик в составе России в государства титульных народов, и какую политику избрать в отношении этнических меньшинств внутри этих республик? Каковы пределы политики поощрения культурного разнообразия или, наоборот, сокращения культурных различий, за которыми эта политика станет контрпродуктивной? Монография этнолога Юрия Карпова не обращается к этим вопросам напрямую, но обогащает эти дискуссии качественными академическими аргументами.

Николай Юрьевич Силаев – к. и. н., старший научный сотрудник, Центр проблем Кавказа и региональной безопасности, Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия. Электронная почта: nikolai.silaev@gmail.com

Книга заполняет значительную лакуну отечественной и мировой историографии, которая существовала между общими исследованиями советской национальной политики, например, работой Терри Мартина (Martin 2001), которую активно цитирует Карпов, и исследованиями ее преломлений в отдельных административно-территориальных единицах СССР. Прежде всего, это работа историка. Объем проанализированных архивных документов исключителен. Помимо центральных архивов Москвы и Петербурга, Карпов работал в архивах Северного Кавказа, где имеются документы интересовавшей его эпохи, а также в Ростове-на-Дону и Краснодаре. Географический и временной охват темы – советская национальная политика на Северном Кавказе в 1920–30-е гг. – позволяет проследить, в том числе, один из наиболее интересных сюжетов: возникновение политической реальности национальных республик, которая задает рамки национальной политики и в современной России.

Карпов начал свою книгу с обширной экспозиции Северного Кавказа накануне и во время событий 1917 г., сделав несколько важных констатаций. Так, высокое политическое значение, которое приобрела этничность в регионе в советскую эпоху, не было предопределено перед революцией. Политические движения на Кавказе в последние десятилетия Российской Империи не носили этнического характера. Сама ценность этнической самобытности подвергалась сомнению со стороны тех, кого позже стали называть национальной интеллигенцией. Даже грузинские социал-демократы – одно из самых зрелых и популярных политических течений на Кавказе – на доктринальном уровне были глубоко равнодушны к национальной теме (что впоследствии резко разошлось с практикой). Возникшие в ходе Гражданской войны конфликты стимулировали их участников к выбору того или иного варианта групповой идентификации, но даже тогда у этничности имелись влиятельные конкуренты. Среди них особое место занимал ислам. Неслучайно в первые годы после революции большевики видели в качестве своего политического партнера на Северном Кавказе именно мусульман, обозначая их в этом качестве в программных текстах и приветствуя лояльное им духовенство в качестве представителей если не всего населения региона, то немалой его части.

Административные эксперименты первых советских лет также показали неочевидность этничности как главного русла групповых идентификаций. Определение населения Северного Кавказа как «горцев» – традиционное для властей Российской Империи – нашло свое отражение в проекте Горской республики, административно-территориального образования, созданного большевиками сразу после установления контроля над Северным Кавказом. Этничность как главный принцип политической организации и административного деления пробивала себе дорогу постепенно: по мере того как большевики развивали и реализовывали свои доктринальные представления о политике в отношении культурного

разнообразия; по мере того, как проявлялась управленческая неэффективность «большой» административной единицы; по мере того, как новые элиты на местах осознавали практическую ценность административных единиц «малых», то есть национальных, автономий; по мере того, как земельный вопрос производил новые и новые конфликты. Карпов указал на Микояна, который однажды заявил, что советская власть создает и организует новые нации – это и происходило на Северном Кавказе.

Решая практические задачи управления, большевики вынуждены обращаться к механизмам непрямого управления, столь характерным для их имперских предшественников. Карпов нарисовал портрет вождей новой эпохи – таких, как руководитель Кабардино-Балкарии Бетал Калмыков, – балансирующих между запросами из центра и местными обстоятельствами, вовлеченных в аппаратную борьбу за власть и ресурсы, интуитивно, а возможно, осознанно копирующих собственный культ с культа московских вождей. Постоянный дефицит подготовленных, влиятельных, лояльных партии кадров подрывал попытки центральных властей преобразовать социальные порядки региона в соответствии с их идеологическим представлением о должном. Особенный интерес в книге представляют разделы об институциональных провалах советского государственного строительства в их северокавказском преломлении. Законодательно предопределенное двоевластие сельсовета и сельского схода, по меньшей мере, до 1927 г. делало на Северном Кавказе советы если не бессильными, то в большой степени зависимыми от сходов, тон которым задавали далеко не всегда горячие сторонники партийной линии. Неопределенность распределения полномочий между партийными и советскими органами порождала хроническое противостояние между элитами автономий и присланными к ним из Ростова-на-Дону – административного центра Северо-Кавказского края – партийными назначенцами. Это противостояние было устранено лишь с переходом ключевых властных рычагов в партийные структуры, причем в последних верх взяли местные элиты.

Если описывать происходившее в категориях Майкла Манна, то можно сказать, что Карпов показал, как большевики вели отчаянную и не всегда успешную борьбу за «инфраструктурную власть», то есть способность центрального государственного аппарата пронизывать все подвластное ему общество, политически организовывать его и осуществлять свои решения (Mann 1993: 59). Национальная автономия первых советских десятилетий оказалась здесь противоречивым явлением. С одной стороны, она стала той политической и административной рамкой, которая обеспечила стабилизацию региона после Гражданской войны и его управляемость (хотя эти результаты были устойчивыми далеко не всегда и не везде). Показательно в этом смысле, что большевики сумели провести две реформы, к которым не могла подступиться Российская империя – разоружили население бывших Терской и Дагестанской областей и распространили

всеобщую воинскую обязанность. С другой – в книге приведена характерная цитата из доклада замсекретаря Горского обкома Носова (1922 г.): «...идти по пути национальной автономии народности с патриархально-родовым укладом жизни – это значит замкнуть народность в национальную скорлупу и усилить влияние реакционных слоев горской деревни» (С. 149).

По сути, этничность стала одним из элементов «инфраструктурной власти» советского государства на Кавказе. Она создавала новые более широкие идентификации взамен или в дополнение прежним родственным и сельским. Она обеспечивала политическую лояльность государственным институтам республик, то есть, в конечном счете лояльность советскому государству в целом. Она позволяла массово производить новые политические элиты, кровно связанные с населением, но в то же время включенные в бюрократические структуры советского государства.

Однако институционализация этничности содействовала также и замкнутости северокавказских обществ. Советская власть вынуждена смириться с тем, что коллективизация в ряде «национальных» регионов Северного Кавказа оказалась поверхностной: ее внешние формы скрывали консервацию прежних социальных структур, в том числе и земельной собственности. Индустриализация Северного Кавказа в исследуемую эпоху не повлекла за собой тех социальных последствий, которые можно было бы от нее ожидать. Граница между промышленными рабочими и крестьянством, как и до революции, во многом совпадала с этнической границей между русскими и «горцами», хотя в немалой степени это объяснялось недоверием к последним со стороны руководства промышленных предприятий. Преимущественно русскими оставались и города – урбанизация в минимальной степени нарушила существующие этнические и социальные границы.

Результаты «коренизации» – политики привлечения местных кадров на руководящие должности – были противоречивыми. Сумев быстро создать национальную гуманитарную интеллигенцию, власти не смогли обеспечить столь же внушительный рост числа технических специалистов и администраторов среднего звена. Коренизация оказалась механистической, связанные с ней надежды на социальную трансформацию северокавказских обществ оправдались лишь частично.

К середине 1930-х гг. советская власть не столько решила в регионе задачи, которые перед собой ставила, сколько стала утрачивать сам интерес к национальной политике. В повестке большевиков все большее место занимали практические вопросы подготовки к предстоящей войне, и это уводило на второй план цели фундаментального культурного переустройства общества. Финальный раунд административных преобразований был ориентирован на унификацию. Из этих соображений были ликвидированы Сунженский и Грозненский округа – русские анклавы внутри национальных автономий. Владикавказ, как и Грозный, вошли

в состав, соответственно Северной Осетии и вновь созданной под аккомпанемент рассуждений о единстве двух народов Чечено-Ингушетии. Это оказалось мощным шагом в нациестроительстве – национальные автономии получили единую территорию и крупные городские центры в качестве столиц. Регион обрел пространственную, политическую и административную структуру, которая, пережив трагические события 1940-х гг., в своих общих чертах дожила до конца XX в.

С позиции сегодняшних споров о национальной политике можно сделать несколько выводов. Во-первых, хотя выбор этничности как ключевой политической категории для Северного Кавказа не был предопределен, обращение к ней большевиков оказалось неизбежностью, а не просто частью их идеологической доктрины. Во-вторых, этнические идентификации социально сконструированы, но от этого не менее прочны. С течением времени они склонны «затвердевать», чему в немалой степени способствует устойчивость административно-территориальной структуры. В-третьих, даже большевистская социальная инженерия имела очевидные пределы, обусловленные «сопротивлением материала». Социальные идентификации, в том числе и этническая, не заданы навечно. Но направление их трансформаций далеко не всегда можно диктовать в административном порядке. То, что было создано на Северном Кавказе в советскую эпоху, надолго останется. Используя выражение Карла Ясперса (1991), 1920–30-е гг. XX в. стали для национальной политики в России «осевым временем».

Масштаб новых данных, к которым обращался в книге Карпов, заставляет еще раз пожалеть о его безвременной кончине. Поставленные им проблемы заслуживают дальнейшего изучения – но не по причине их недостаточного освещения в монографии, а из-за ее прорывного характера. В своей последней работе им открыто новое направление в историографии Северного Кавказа, связанное с широкими сравнениями локальных вариантов социальной трансформации в этом регионе в советскую эпоху и синтетическим пониманием национальной политики – не как узкого вопроса культурных и административных преобразований, а как коренной проблемы исторического развития связей между северокавказскими обществами и государством.

Список источников

- Тишков В. А. (2003) *Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии*. М.: Наука.
- Ясперс К. (1991) *Смысл и назначение истории*. М.: Издательство политической литературы.
- Martin T. (2001) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press.
- Mann M. (1993) *The Sources of Social Power: The Rise of Classes and Nation States, 1760–1914. Vol. 2*. New York: Cambridge University Press.

Nikolay Silaev

'AXIAL AGE' OF NATIONAL POLICY

Karpov Yu. Yu. (2017) *Natsionalnaya politika sovetskogo gosudarstva na severokavkazskoy periferii d 20–30-h gg XX v.: evolutsia problem i resheniy* [National Policy of the Soviet State in the North Caucasus Periphery in 1920–30s: the Evolution of Problems and Solutions]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 400 p. ISBN: 978–5–85803–505–3

DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-1-151-156

References

- Jaspers K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii* [The Origin and Goal of History]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Martin T. (2001) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press.
- Mann M. (1993) *The Sources of Social Power: The Rise of Classes and Nation States, 1760–1914. Vol. 2*. New York: Cambridge University Press.
- Tishkov V. A. (2003) *Rekviem po ehtnosu: Issledovaniya po social'no-kul'turnoj antropologii* [Requiem for Ethnos: A Study on Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka.